

Features of early deadaptive schemes of future psychologists depending on the age period

T. Y. Petrovskaya¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk, 620126, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-164-171

Research article
Full text in Russian

The article discusses the age characteristics of early maladaptive schemes (EMS) of students of psychological specialties. In order to determine the EMS of psychology students, the questionnaire «Diagnostics of early maladaptive schemes of J. Young» was used. Empirically the specific EMS complexes of future psychologists in adult and adolescence were identified. Differences in the EMS of students in the sub-periods of adolescence and adulthood have been statistically proven. With age, psychology students decrease the severity of vulnerability, uncertainty and stability of relations, and the level of differentiation of identity increases. In the transitional period of adulthood, future psychologists are the least inclined to self-sacrifice and obedience to rigid rules.

Keywords: early maladaptive schemes; youth; adulthood; professional activity; psychologist

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Petrovskaya, Tatiana Y. | E-mail: element_t@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-6243-9487
Senior Lecturer

Особенности ранних дезадаптивных схем будущих психологов в зависимости от возрастного периода

Т. Ю. Петровская¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Вилюйская, д. 28, Новосибирск, 630126, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-164-171
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются возрастные особенности ранних дезадаптивных схем (РДС) студентов психологических специальностей. С целью определения РДС студентов-психологов использовался опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем Дж. Янга». Эмпирически выявлены специфические комплексы РДС будущих психологов во взрослом и юношеском возрасте. Статистически доказаны различия РДС студентов в подпериодах юности и взрослости. С возрастом у студентов-психологов снижается выраженность уязвимости, неуверенности в стабильности отношений, повышается уровень дифференцированности идентичности. В переходной период взрослости будущие психологи в наименьшей степени склонны к самопожертвованию и подчинению ригидным правилам.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы; юность; взрослость; профессиональная деятельность; психолог

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петровская, Татьяна Юрьевна	E-mail: element_t@mail.ru ORCID 0000-0002-6243-9487 Старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии
-----------------------------	---

Значимым событием в профессиональном самоопределении является выбор и поступление в учебное заведение профессионального образования. В отношении получения квалификации психолога речь идет о высшем учебном заведении с более длительным этапом обучения, совпадающим, как правило, в российской действительности с периодом юности. Однако, согласно международной статистике, к обретению психологической профессии стремится значительная часть представителей взрослой возрастной группы. На протяжении этого важного и ответственного этапа индивид сталкивается с множеством сложных задач, причем не только образовательного содержания, но и личностного, обусловленного тем возрастным этапом,

© Петровская Т. Ю., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

через который проходит человек в процессе обучения в вузе, а именно юношеским и взрослым возрастом.

Анализ литературы по психологии развития и возрастной психологии показал, что в определении возрастных границ юности и взрослости как отечественные, так и зарубежные психологи расходятся. И в западной, и в отечественной психологии характерным является определение юности как отдельного возрастного периода в плавающих границах от 16 до 25 лет, смыслом которого является переход от детства к взрослости. Взрослость же как самостоятельный возраст представляется разными исследователями в широких временных границах с выделением, некоторыми авторами, внутри отдельных подпериодов и связывается с пиком самореализации личности [1].

Юношеский возраст, по мнению известных ученых-психологов, представляется переломным отрезком жизни с наиболее яркими проявлениями человека как становящегося субъекта собственной личностной профессиональной истории [1–2]. В данном возрасте происходит развитие множества профессионально значимых психологических конструктов. Идет построение жизненных планов. Активно развиваются компоненты личностной рефлексии и идентичности, в том числе профессиональной. К моменту окончания этого возрастного периода должно сформироваться представление о своем дальнейшем профессиональном пути и желание продолжать движение в выбранном направлении [1]. С этой точки зрения юность – это первая ступень профессиональной самореализации. Дальнейший путь профессионального самовоплощения приходится на взрослость.

Ориентируясь на периодизацию Г. С. Абрамовой, взрослость в своей работе мы рассматриваем в континууме трех подпериодов: взрослость (23–30 лет), переходной возраст (30–35 лет), зрелость (36–50 лет). В период взрослости происходит личностное и профессиональное становление человека. Общая картина социальной ситуации развития характеризуется интенсивностью освоения нового круга обязанностей и ролей. В связи с наполненностью всех сфер жизни могут возникать многочисленные перегрузки, стрессы, ситуации сложного жизненного выбора и др., провоцирующие спектр негативных переживаний и дисфункциональных паттернов.

В переходный возраст, являющийся очень коротким и достаточно кризисным, возникает пересмотр многих параметров собственной индивидуальности, которые в дальнейшем становятся основой для принятия новых жизненно важных решений. По словам Г. С. Абрамовой, «в этом возрасте проявляется готовность к построению нового пространства в системе социально-психологических отношений, принятию решений о карьере, стиле жизни, пересмотр и обновление решений, касающихся социального положения» [1, с. 458].

В период зрелости, как личностной, так и профессиональной, встает проблема определения своего дальнейшего места в системе социальных отношений, в изменившемся психологическом пространстве своей семьи и профессиональной деятельности.

Как отмечают исследователи в области психологии развития, осуществление субъектом своего потенциала на том или другом возрастном этапе во многом зависит от личностных качеств, накопленного индивидуального опыта, факторов целенаправленного воздействия (обучение и воспитание). В современных работах отечественных исследователей указывается интегративный эффект содействия развитию различных системных образований, «способствующий возникновению новых качеств, превосходящих простую аддитивность и тяготеющих к интегральному единству [3, с. 13]. Интегральным личностным конструктом, ограничивающим профессиональное воплощение своего потенциала, отражающим онтогенетический «бэкграунд» индивида, вмещающим когнитивные и эмоциональные компоненты, формирующимся в раннем детстве и проявляющимся в поведении на протяжении всей жизни выступает концепт «ранних дезадаптивных схем» (РДС, схемы), предложенный американским исследователем Дж. Янгом [4]. С точки зрения возрастной динамики ярко выраженные схемы обладают устойчивостью, ригидностью в более зрелых возрастах, способностью к компенсации в более эволюционные периоды развития и манифестированию в кризисные периоды [4].

Целью нашего исследования стало изучение возрастных особенностей ранних дезадаптивных схем студентов психологических специальностей, которое включало несколько этапов. Первый этап состоял в подборе диагностического инструментария для выявления РДС на российской выборке, которым послужил опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем Дж. Янга» в адаптации П. М. Касьяника, Е. В. Романовой [5]. На втором этапе проводилось диагностирование общей выборки с использованием опросника ранних дезадаптивных схем Дж. Янга. И на третьем этапе нашего исследования осуществлялся дисперсионный анализ, позволяющий установить влияние возраста на особенности проявления ранних дезадаптивных схем специалистов-психологов в период обучения.

Студенты психологических профилей послужили выборкой исследования, состоящей из 536 обучающихся в возрасте от 17 до 49 лет. Возрастной состав выборки определялся нами на основе периодизации Г. С. Абрамовой и позволил изучить проявления РДС в юности и взрослости, а также определить характерные различия между ними. Выборка была разделена на пять групп в зависимости от возраста: первая группа – студенты раннего юношеского возраста, вторая группа – студенты позднего юношеского возраста, третья группа – студенты периода взрослости, четвертая группа – студенты переходного возраста, пятая – студенты периода зрелости.

С целью изучения влияния возраста на проявление РДС студентов было проведено сравнительное исследование посредством применения однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В качестве независимой переменной был определен возраст, дифференцированный на 5 категорий (ранняя юность, поздняя юность, ранняя взрослость, переходной период взрослости, поздняя взрослость). В качестве зависимых переменных выступили РДС: эмоциональная депривированность, покинутость / нестабильность, недо-

верие / ожидание жестокого обращения, социальная отчужденность, дефективность / стыдливость, неуспешность, зависимость / беспомощность, уязвимость, запутанность / неразвитая идентичность, покорность, самопожертвование, подавленность эмоций, жёсткие стандарты / придирчивость, привилегированность / грандиозность, недостаточность самоконтроля, поиск одобрения, негативизм / пессимизм, пунитивность. Допустимость использования однофакторного дисперсионного анализа была обоснована выполнением статистического требования отсутствия достоверных различий между дисперсиями (при $p \geq 0,05$). Для этого нами применялся критерий Левена, который показал, что дисперсии по исследуемому признаку гомогенны (табл. 1).

Таблица 1

Результаты дисперсионного анализа влияния возраста на РДС студентов при $p \geq 0,05$

Категории РДС	РДС	ANOVA		Средние значения				
		Levene		1	2	3	4	5
	N	F	p	187	124	130	52	44
Нарушенные связи и отвержение	Покинутость / Нестабильность	2,26	0,050	14,23	13,17	12,51	12,7	10,53
Нарушенная автономия	Уязвимость	3,33	0,010	9,45	9,34	10,33	9,24	8,22
	Запутанность / Неразвитая идентичность	4,05	0,003	9,57	8,94	8,48	9,44	7,32
Направленность на других	Самопожертвование	5,62	0,000	14,58	12,99	12,75	13,24	13,78
Сверхбдительность и запреты	Жесткие стандарты / Придирчивость	3,67	0,005	14,68	13,43	13,00	13,56	13,12

В результате проведенного исследования влияния возраста на специфику РДС будущих психологов необходимо обратить внимание на то, что признак «возраст» имеет значимое влияние на РДС специалистов. Из восемнадцати переменных пять обнаружили зависимость от исследуемого признака: покинутость/нестабильность, уязвимость, запутанность/неразвитая идентичность, самопожертвование, жёсткие стандарты/придирчивость (табл. 1).

Представленные в таблице результаты дисперсионного анализа показывают, что все выявленные различия выраженности схем студентов разного возраста находятся в четырех областях из пяти, описанных автором концептуальной модели Дж. Янгом: нарушенные связи и отвержение, нарушенная автономия, сверхбдительность и запреты, направленность на других. Наибольшее число различий обнаружено между студентами ранней юности (6) и студентами периода зрелости (4) по отношению к респондентам других групп. При этом по трем (из пяти) схемам различия обнаружены именно между обучающимися самого юного и самого взрослого возраста. Увеличение возраста, таким образом, изменяет степень выраженности РДС.

Область нарушенных связей и отвержения, представленная схемой «покинутость / нестабильность», имеет наибольшее число противопоставлений

в группах респондентов. Специалисты психологического профиля в ранней юности отличаются от коллег в зрелости и в переходном периоде взрослости, так же как обучающиеся в поздней юности и в зрелости. Такие попарные комбинации указывают на большую отчетливость негативных мыслей, представлений, переживаний на предмет близости и привязанности, характерную для юношей и девушек. Данную тенденцию подтверждают результаты европейских исследователей, полученные на выборках подростков и юношей [6]. Г. С. Абрамова называет типичную для молодых людей потребность в общении и другие виды социогенных потребностей, то есть потребностей в других людях. Автор пишет, что «опасность этого периода жизни состоит в том, что отношения близости, соперничества и борьбы переживаются в связи с людьми, подобными себе, со сверстниками. Это рождает предвзятость в отношениях, неприятие самого себя и других, это одиночество, за ним — страх перед близостью» [1, с. 435]. Подобные имеющиеся у индивида искаженные когнитивные образования в условиях социально-психологической ситуации развития в юности актуализируют неудовлетворенную базовую потребность в привязанности и тем самым запускают дезадаптивные паттерны поведения.

Между студентами максимально контрастных групп исследования также обнаружено различие по схеме «запутанность / неразвитая идентичность» с ее ослаблением к старшей группе. Согласно Э. Эриксону личность на данном этапе жизни характеризуется отсутствием целостности и гармоничности, так как находится в ситуации необходимости осмысления своих мировоззренческих ориентиров. Успешное решение задач на стадии периода ранней юности завершается формированием целостной и зрелой «эго-идентичности» с осознанием себя, с профессиональным самоопределением [7]. В работах отечественных психологов отмечается, что в юности актуальным для развития становится принятие ответственных решений, основным из которых является выбор карьеры. Для его решения личности необходимы «два важнейших психологических образования: концепция жизни и Я-концепция, где степень идентичности Я самому себе является той силой, которая будет определять успех в осуществлении намерений относительно своей жизни» [1, с. 433].

В нашем исследовании, кроме обнаруженных различий между группами, находящимися на полюсах возрастного континуума, установлены представляющие научный интерес различия студентов, находящихся в начале личностного и профессионального самоопределения и в переходном периоде этого пути. Такие различия нами выявлены по схеме «самопожертвование» студентов-психологов, отражающей чрезмерную ориентацию на мнения, оценки, потребности других. Так, в наивысшей степени выражена схема в период ранней юности, в период поздней юности происходит постепенный спад, конечное снижение настает в переходном периоде взрослости и вновь возрастает в период зрелости. Данная U-образная кривая фокуса психического на других с выраженными всплесками в 17–19 и 36–50 лет интерпретируется нами как известное в научной психологической литературе

чередование разворота психики на «Я» и «Мы» последовательно, начиная с кризиса рождения [1]. В норме ориентация на других может служить психологу основой важных для его деятельности качеств – социальности, открытости, эмпатичности. Однако при деформированной системе когнитивных убеждений о себе и об отсутствии здорового эгоизма удовлетворение собственных потребностей без самопожертвования, иногда приводящего к виктимному поведению, становится трудноосуществимым.

Будущие психологи самого юного возраста и взрослые переходного возраста также характеризуются по-разному по схеме «жесткие стандарты / придирчивость»: убеждения, подталкивающие неукоснительно следовать установленным нормам и правилам, характерными оказываются для юношей. Одной из задач юности является интериоризация морали, т. е. в юности индивид более чувствителен к осознанию норм и правил, а также к их исполнению как самим, так и обществом в целом [1].

Важно указать, что результаты исследования, опубликованного М. А. Тихомировой, Н. В. Гришиной в 2016 году, по выявлению РДС в контексте психологического благополучия на неклинической выборке респондентов, дифференцированной по принципу аналогично нашему исследованию, имеют ряд совпадений. Примечательно, что схожие результаты были получены не только по факту наибольшей степени выраженности РДС («самопожертвование», «жесткие стандарты / придирчивость», «покинутость / нестабильность») у самой молодой группы, но и при попарном сравнении разновозрастных групп значимых различиях по отдельным схемам [8].

Схема же «уязвимость» в нашем исследовании оказалась статистически значимо более выражена у респондентов в переходный возраст, что обусловливается «объективными ограничениями активности взрослого человека, которые убавляют оптимизм молодости» [1, с. 470]. В возрасте 30–35 лет происходит ряд физиологических и психологических изменений, свидетельствующих о впервые возникающих ограничениях своих физических ресурсов и изменении собственной Я–концепции на основе обновленной концепции жизни [1].

Подводя итог сказанному, можно заключить, что будущие психологи в возрастном континууме различаются в проявлении таких схем, как связи и отвержения, автономия, сверхбдительность и запреты, направленность на других [8]. Большинство схем данных категорий более выражены в юности, частично в переходном возрасте, в наименьшей степени проявляются в зрелости.

Результаты проведенного нами исследования влияния возраста на специфику проявлений РДС студентов психологических специальностей позволяют сформулировать ряд выводов.

1. Возраст выступает фактором, оказывающим влияние на динамику проявлений РДС у студентов психологического направления. Динамика проявления схем характеризуется пиком выраженности в ранней юности

и постепенным ослаблением с увеличением возраста. Исключение составила схема «уязвимость», максимально выраженная в переходном возрасте.

2. В зависимости от возраста различаются схемные профили студентов в подпериодах юности и взрослости. О наибольшем уровне выраженности (среднем) схем позволяют заявить результаты в 1–4 подгруппах по схемам, связанным с выполнением установленных правил, самопожертвованием и дефицитом связей с другими людьми, а также в 5-й подгруппе по дезадаптивным когнитивным убеждениям о неукоснительности выполнения правил и главенстве чужих интересов и потребностей.

3. Выявление влияния возрастного фактора на РДС позволит прогнозировать личностные изменения, определяющие возможности и ограничения в профессиональной деятельности субъекта труда.

В завершение отметим, что статья содержит представление о ходе и результатах фрагмента эмпирического исследования по проблематике личностных детерминант профессиональной деятельности. С целью изучения возрастной динамики РДС нами было проведено исследование на выборке студентов, обучающихся по образовательным программам психологических направлений подготовки в очной и заочной формах обучения. Выявлено, что возраст является признаком, имеющим влияние на выраженность РДС. Однако различия в связи с возрастными особенностями юности и взрослости как ключевыми периодами профессионального становления и развития имеют пять из восемнадцати схем. Вместе с тем обнаруженные авторами работы различия проявляют возрастную специфику практически полного, в соответствии с концептуальной моделью, комплекта категорий схем. Продемонстрированные в работе результаты исследования дотраивают научное понимание феномена РДС и его проявлений в профессиональных выборках респондентов.

Ссылки

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология. М.; Екатеринбург, 2000. 624 с.
2. Карпов А. В., Курочкина С. В. Особенности индивидуально-психологических свойств личности студентов – участников инновационной деятельности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 1(47). С. 66–70.
3. Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Системный подход в психологии индивидуальности // Ярославский психологический вестник. 2019. № 3(45). С. 12–13.
4. Young J., Klosko J., Weishaar M. Schema therapy. N. Y; L., 2003. 449 p.
5. Касьяник П. М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб., 2016. 151 с.
6. Schema Therapy in Adolescents with Disruptive Behavior Disorders / M. F van Wijk-Herbrink [et al] // International Journal of Forensic Mental Health. 2017. Vol. 16(3). P. 261–279.
7. Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 340 с.
8. Тихомирова М. А., Гришина Н. В. Ранние дезадаптивные схемы в контексте психологического благополучия // Петербургский психологический журнал. 2016. № 16. С. 83–102.